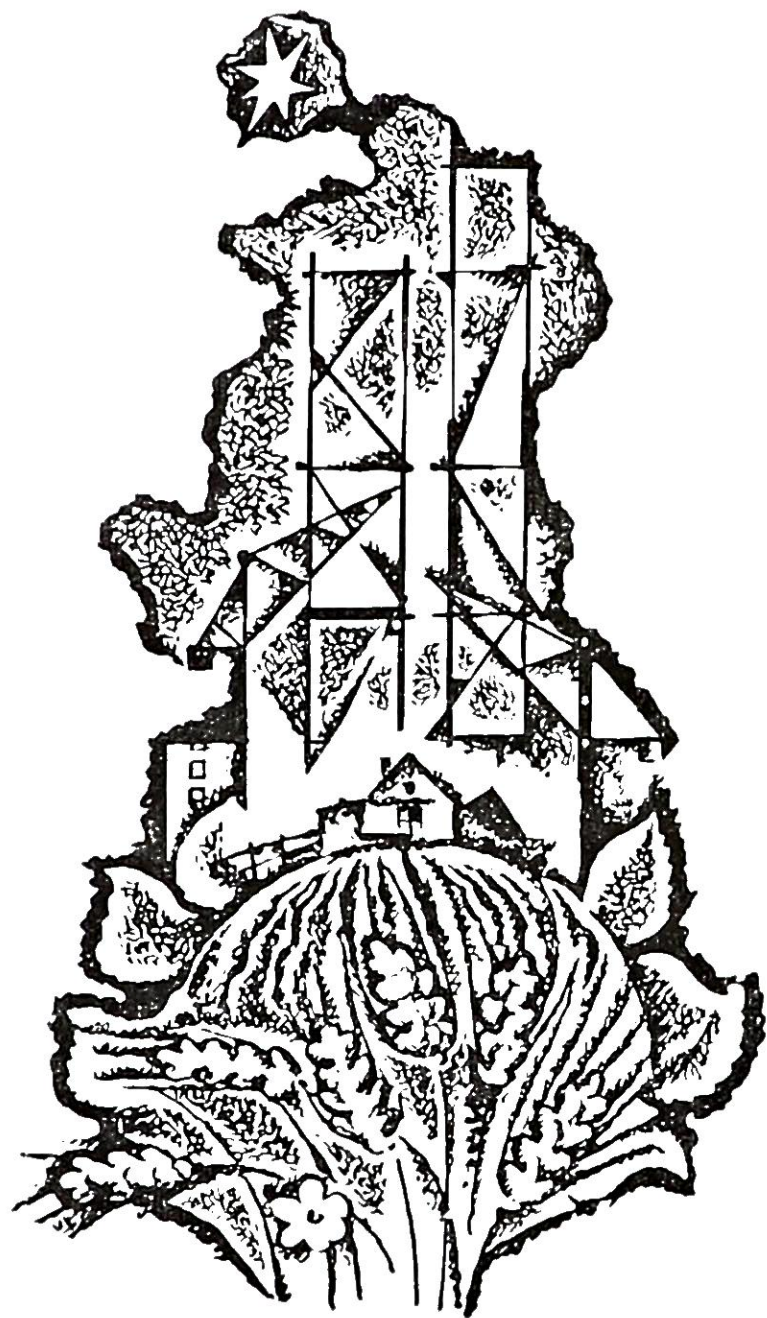

**ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВА**

ПОЛДЕНЬ

**ЮЖНО-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК
1976**

Уважаемому товарищу
Алексеевичу Майвееву,
с волевыми и самыми
добрыми чувствами.
25/VI-76. Л. Андреева

**ЛЮБОВЬ
АНДРЕЕВА**

ПОЛДЕНЬ

стихи

P2
A65

P2 **Андреева Л. Х.**
A65 Полдень. Стихи. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1976.

38 с.

Вторая книга поэтессы. Автор рассказывает о себе, о своем коллективе на стройке, о зауральском крае — городе и деревне. Чувство саятности с родной землей — одно из определяющих в лирике Л. Андреевой.

A $\frac{70402-052}{M 162(03)-76}$ 39—76

P2

© Южно-Уральское книжное издательство, 1976 г.

* * *

Я тихая, мне мама говорит,
Что родилась я в тихую погоду
На поле, возле дремлющих раки,
Когда катилось солнышко к заходу.

Как будто знала, что идет война,
Что мать моя хлебнет со мною лиха,
Что Родине теперь не до меня,
Я тихая и родилась без крика.

И умерла бы там, где родилась,
Когда б телятница не откачала,
И не узнала б никакая власть,—
Была война, война бы все списала.

Я стала жить, как сверстники мои,
Пила я квас из свекольных паренок,
Делила хлеб с друзьями на пан
И получала пенсию с пеленок.

Меня моя деревня берегла,
Когда на пашню мама уходила.
Она меня кормила, чем могла,
И без отца, без бабушки растила.

Чужие бабки из чужих дворов,
Они навеки стали мне родными.
Поили молоком своих коров,
Отхаживали травами лесными.

А сколько сказок было у меня!
Теперь, когда я прошлое итожу,—
Я понимаю, что моя родня
И Родина моя одно и то же.

2 Л. Андреева

5

РАБОТА

Эта ночь, как бетон, а бетон, как уснувшая птица,
Распластавшая крылья по цеху на сотни шагов.
Мы домой не ушли, и простые, знакомые лица
Стали чем-то похожи на лица суровых богов.

Нас здесь шестеро только,

это значит: ни много, ни мало.

Да еще светляки электрических ламп,
Да в дверях темнота замерла крокодилым оскалом,
Протянув на огонь козанки коченеющих лап.

Самосвалы, урча, залезают в провалы пролетов,
Сузив плечи бортов,

чтобы в спешке не сдвинуть кирпич.

Кто с друзьями хоть раз

смены две за одну проработал,

Тот, наверно, сумеет рабочую гордость постичь.

В нашем городе ночь, а над городом — звезды горохом
Раскатились по небу, попробуй-ка их собери!
У вокзала экспресс отцепил затихающий грохот,
И ни звука опять, и луна еле-еле горит.

Мы бы тоже могли, отработав рабочее время,
Разойтись по домам, кто б нам это поставил в укор?
И в конце-то концов человек — человек, а не кремьень,
Он сегодня устал, и какой может быть разговор.

Но скрипят тормоза, упираются в глину колеса,
Будто ложки, лопаты мешают бурлящий бетон.
А в бетоне гранит, как в кастрюле горячее просо,
Разварился — и нет ни горбатых углов, ни сторон.

Мы домой не ушли, потому ль, что других помоложе,
Что у них по домам ребяташки горячего ждут?

Мы домой не ушли потому,

что дела нашей стройки тревожат,

Потому, что они нам спокойно уйти не дадут.

Скоро время придет закрывать табеля и наряды,
А ведь плана-то нет, мы работу не кончили в срок.
И опять в отстающих окажется наша бригада,
И в глазах у друзей затаится безмолвный упрек.

А на улице бесится лютая вьюга,
Сев на задние лапы, задрав до Медведицы нос.
Запеваает любимую песню подруга.
Подхватили девчата — и песня до звезд.

И гуляют, гуляют лопаты в растворе,
И девчата поют — за куплетом куплет.
Мы в войну родились и дельцам из-за моря
Не впервой говорим по-рабочему «нет».

Мы за то, чтоб зерно, наливаясь, на солнце играло,
Чтобы в рост человека в степи вырастала трава.
Мы сто лет проживем, да и то нам покажется мало.
Каждой сменой своей утверждаем на это права.

* * *

Разжимают одна по одной кулаки
Десять лампочек, свет выпускаая.
Как ручки, горячатся на грунте лотки,
Головою маршрут просекая.

А лебедку сечет неумная дрожь —
Это трос своей силой кичится.
То он, словно бурлак, тянет на гору ковш,
То мальчишкой на ковшике мчится.

Я лопатой бетон из ковша достаю,
И бетон под лопатой пружинит,
А потом я его на лоток подаю.
Не легко. Это третья машина.

Мы строители, нам не впервые бетон
Принимать или землю ворочать.
Только хочется очень, чтоб кто-то потом
Знал, что здесь ты работал рабочим.

А работа твоя, пусть она с ноготок,
Поважнее хорошей зарплаты.
Забетонятся стены, исчезнет лоток,
Кладовщик спишет наши лопаты.

Мы уедем объектам давать имена.
Здесь остынут костры и сигарки,
Но останется цех для тебя и меня
В нашей памяти лампочкой яркой.

МАСТЕР

Он утром нас встречает на площадке,
А вечером уходит позже всех,
Растут пометки в голубой тетрадке,
И вместе с ними подрастает цех.

Его ругают и довольно часто,
Планерки напряженные гудят.
Его ругают, он на то и мастер,
Чтоб его начальникам ругать.

Он не молод, не горласт и не задира,
Но почему, ответьте, почему
Напористые, злые бригадиры
С других участков просятся к нему?

* * *

Не думала сама я стать поэтом,
Уговорив подружек сесть в кружок,
Вполголоса и под большим секретом
Я им читала простенький стишок.

Про то, что вот у тетки Соломен
Дочурка непутевая растет,
Которой их сосед Алешка Зверев
По вечерам проходу не дает.

Девчонки хохотали до упаду,
А тетка говорила мне сквозь смех:
— Как у тебя словам хватает складу?
Ну, молодец! Ты рассмешила всех.

Дни проносились быстрые, как кони.
Я, оборвавшись с гривы скакуна,
Ударилась о жесткие ладони
Рабочего стремительного дня.

Взлетала «вира», опускалась «майна»,
Скрипел мороз веревками тросов.
Мы на карнизе, будто бы случайно,
Стояли без монтажных поясов.

О, молодость рабочего порыва,
О, руки золотые работяг,
О, злая жажда сделать все красивым,
Снести последний на земле барак.

Бригада — это то же государство.
Для всех закон — и для тебя закон.
Он запрещает бригадиру барство
Для всех для нас понятным языком.

Он разрешает, посмотрев по кладке,
Сказать соседу:
— Александр Кузьмич,
Теперь как будто все у нас в порядке,
Ты только здесь переклады кирпич.

Я научилась в простоте суровой
Не простоту,

а сложность понимать.

И кто теперь докажет мне, что слово,
Не запылав, способно согреть?

Я не поэт, я — каменщик в поэзии.
На ощупь слово каждое беру.
Я в дактилях и в ямбах,

как в профессии,

Стираю пот и стыну на ветру.

Когда строка неровно ляжет в кладке,
Мне по привычке Александр Кузьмич
Напоминает:

— Все у нас в порядке,
Ты только здесь переклади кирпич.

* * *

Я много лет работаю на стройке,
Где крышей служит небо над землей.
Весной хожу в мальчишечьей ковбойке
И надеваю ватники зимой.

Мои аудитории богаче,
Чем у студентов, прямо у костра
Мне объясняют сложные задачи
Рабочие мои профессора.

Мои герои, вот мои герои,
В комбинезонах, с кельмами в руках.
По-моему, лишь тот герой, кто строит,
Кто каждый день стоит на всех ветрах.

* * *

В октябре по ночам не тепло,
Эта ночь холоднее других,
Эта темная ночь, как назло,
С резким ветром и воем пурги.
Грязь, как тесто,— хоть стряпай блины,
Хороши ли, попробуй на вкус.
Но пурга для лихой шоферни
Не страшней, чем пчелиный укус.
Они злы по причине другой,
Целый час под погрузкой стоят,
Они рады смириться с пургой,
Лишь бы кончился этот парад.
Силикатный завод — наш сосед.
Склад проедешь да насыпь и все,
Там белеет в лесах мой объект,
Ждет, когда мы кирпич привезем.
Время крутит у стрелок усы,
Скоротать бы хоть как-то его.
Мы постыло глядим на часы,
Час прошел, а две ходки всего.
Хлопнув дверками зло, сгоряча,
На кабине ли злобу срывать,
Мы уходим просить кирпича,
Ну, а если точнее — «выбивать».
У приемщицы люду полно,
Шоферня — самый дошлый народ,
Путевые листы подает,
Зубы «моет» в дверях заодно.
Шофер просит, чтоб кран отпуская
Нам быстрее, коль рядом объект.
— Вы что, лучше других? Нет и нет.
Как грузили, так грузят пускай.
И опять только руль под рукой,
А на нем километры дугой,

И опять под ногой только газ,
Под баллоном холодная грязь.
Ходка раз, ходка два, ходка три,
Шпонку срезало, что же теперь?
Наш мотор перегрелся, парит
И рычит,

как подраненный зверь.

Задний борт отвалился в кирпич.
Мы устали, аж руки дрожат.
Месяц, слазь, помоги, старый хрыч,
Что ж ты смотришь? Ты, видимо, рад.
Может, лучше шабаш и домой,
Чем так мучиться, а, дядя Гош?
Ходок пять приписать и хорош,
Ты устал, даже голос другой.
— Да ты что? Ты смеешься, видать.
Хочешь совесть мою испытать?
Эти ходочки ты сбереги,
По себе же не судят других.
Мне досадно, мне стыдно, молчу,
Хорошо, что не видно лица,
По болту монтировкой стучу,
А работе не видно конца.
Я путевку, заполнив, сдала.
— Дядя Гоша, хороший, прощай.
Ждут другие нас завтра дела,
Их у нас — непочатый край.
Я наутро в бригаду приду,
Соберу возле будки людей
И у всех кирпичей на виду
Расскажу о работе твоей.
Бригадир, покачав головой,
Скажет:

— Этот мужик мировой,
Как помог нынче нам с кирпичом,
Вроде стройку подвинул плечом.

* * *

Жарко, а фуфайку сбрасывать нельзя,
Да не потому, что мастер запретил.
Ветер от бетона брызжет нам в глаза
Крошкой колючей, будто бы опил.

Катятся, как лыжи, ноги в сапогах,
Мы идем по крыше с грузом на руках,
Скат все круче, выше, ветра свист в ушах,
Небо ближе, ближе. Остается шаг.

* * *

Во дворце в белых туфельках-лодочках,
А на туфельке модный каблук,
Под эстрадный девчонка-козочка
Шейк танцует в кругу подруг.

Мне девчонка подругой доводится,
Я видала ее не такой.
Вырывалась струя из колодца,
Заливая «стакан» водой.

Словно бабочки, звезды бились
Об луну, отлетая прочь.
Мы про звезды вообще забыли
В ту продутую ветром ночь.

Если воду отчерпать не сможем,
Заморозим бригаде «стакан».
Эта мысль ящерицей по коже
От затылка ползла к ногам.

И девчонку вот эту самую
По колено в воде ледяной,
Перемокшую, но упрямую
Мы прогнать не смогли домой.

А сейчас в белых туфельках-лодочках,
А на туфельке модный каблук.
Под эстрадный девчонка-козочка
Шейк танцует в кругу подруг.

* * *

— Так не годится, сбрасывай-ка валенки.
Да, парень, как тебе не ай-яй-яй?
В дыру пройдет полено, ты ж не маленький,
Взял и зашил, хотя бы через край.

Так, набивая табаком сигарку,
Держа ее в ладонях, как бадью,
Дед задавал подсобнику пропарку,
Усевшись на поджарую скамью.

— Вот ты строитель,— стало быть, строитель.
Это заводы строишь иль дома?
— Нет, дедушка, вы лучше расскажите
О том, когда закончится зима.

— А ты, дружок, повремени-ка малость,
Я с молодыми, с вами посижу.
Вам пять минут «докуривать» осталось,
Вдругорядь о зиме вам расскажу.

Так вот, хожу по городу и вижу,
Что вы по-обезьяньи черт-те как
Гуляете по стенам да по крышам
С носилками, с лопатами в руках.

Поднимешь голову, и станет жутко,
И шапка поползет на воротник,
А вы смеетесь, шуточки да шутки.
— Дед, не смеяться — прирастет язык.

— Я не о том толкую вам, ребята,
Я о другом, пора бы вам понять —
Учиться надо вырезать заплаты
И намертво подошвы подшивать.

Ну, а пока возьми-ка, парень, шило
Вон там налево, в баночке складной,
Затянем проволокой, чтобы не сквозило,
А там, глядишь, обед да и домой.

* * *

Мы лежим на асфальтовой кровле
Или попросту греем бока,
Положив кирпичи в изголовье,
Натянув до ушей облака.

Топоры растянулись в сторонке
На плите подбородками вниз,
Чуть подалее лежат окоренки
И две пары сырых рукавиц.

Вот и все, да еще, пожалуй,
Две руки у любого из нас.
Хорошо быть немного усталым
И вздремнуть по минуте на глаз.

И опять за топор, за кирочку,
Стройка — гордость моя и злость,
Рада я, что рабочую выучку
У нее проходить довелось.

* * *

Цехов замолкли перестуки,
Проверив мелочь — хватит нет,
Поочередно, вымыв руки,
Идут девчата на обед.

Охохоньки, люблю Леньку,
Ленька, был б сознательный,
Купил бы Ленька две гребенки,
Карандаш писательный.

Это кто там веселится,
Окружен толпой парней?
Это ж Томка-крановщица
Распевает у дверей!

Ох и Томка, ох пройдоха,
Не найти нигде такой.
— Эй, сестренки, что оглохли?
Ваша очередь за мной.

А ребята из термички
Загораживают путь.
— Утомились вы, сестрички?
Надо с часик отдохнуть.

Томочка, побойся бога,
Говорят, посторонись,
Дай родне моей дорогу,
Не пожар, не торопись.

И термисты, как артисты,
Груди выгнув в колесо,
Затаив в бровях кустистых
Смех, сказали:

— Хорошо!

Только ты ответь по чести,
Верность крану сохраняя.
Что?.. Сестренки сколько вместе?
— Не считала — сто иль двести,
Целый цех, пожалуй, двести.
— Ничего себе — родня.

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Успокойся, доешь абрикосы,
Ты мне душу, постой, не трви.
У меня прямота от березы
И цемент от бетона в крови.

Говоришь ты почти гениально,
И значительна фраза твоя,
Что на стройке к стихам специально
Биографию делала я.

Вот послушай, мне было пятнадцать,
Умер брат у врачей на руках.
Молодому пришлось надорваться
На тяжелых, на тех тракторах.

Бригадир комсомольской бригады,
Он ушел, завещая мне жизнь.
С той поры для меня стало свято
Его тихое слово — «учись».

Я зерно на машины грузила,
Исполняла другие дела,
Даже чурки для клуба пилила,
Чтобы школьная форма была.

Да, теперь не узнаешь деревни,
И недостаток другой, и размах,
И подружки мои, как царевны,
В пятистенных живут теремах.

Как мой брат был бы рад, если б выжил,
Вероятно, механиком стал.
Ну а ты, друг, на что же обижен,
Почему безразличен и вял?

Так трудись-ка ты вместе со всеми
И к задуманной цели стремись.
Биографию делает время,
Биографию делает жизнь.

КОЧЕГАР

Гудело пламя в горловине топки,
Захлебывалось в угольной пыли.
Гудели закопченные заклепки,
И гуд, казалось, шел из-под земли.

А мы забыли, что в котельной душно,
Что дождь и в полночь не перестает,
Что на подаче ежится подружка
И нас уже минут пятнадцать ждет.

Облизывая то и дело губы,
Читал стихи усталый кочегар.
Да он и сам забыл, присев на трубы,
Про воду, про давление, про пар.

* * *

Я строила панельные дома,
Фасад с трехместной люльки расшивала.
По городу метелила зима —
Такой зимы давненько не бывало.

И нашу люльку пятитонный кран,
Страхуя от беды, держал на стропях.
Со мною вместе строили Курган
Напарницы мои в монтажных робах.

И было страшно, что теперь скрывать,
Мне лазить по балконным ограждениям
И шов горизонтальный расшивать
Под любопытным взором населенья.

О, школа терпеливого труда,
Когда среди житейских разговоров
Меня учили женщины тогда,
Как жизнь свою беречь
И строить город,

Я удивлялась щедрой красоте
Строителей, их мужеству и воле.
Мне с кельмой не стоять на высоте,
И все ж я благодарна этой школе.

За молодость хорошую мою,
В которой мне не делали поблажек.
Еще за то, что здесь, в моем краю,
Живут друзья с большим рабочим стажем.

* * *

Змей бумажный выше, выше
Прописи по небу пишет.
Мальчуган уже не слышит,
Что кричат друзья:
Запрокинул голову,
Ветер треплет рубашонку,
Больно дергает ручонку,
Сердится, а зря.

Был бы ветер не беспечный,
А немного человечней,
Он мальчишечью, конечно б,
Поддержал мечту.

С лебеды или пырея
Своей силы не жалея,
Мальчугана, как и змея,
Взмыл бы в высоту.

* * *

Мимо этого дома и мимо окна
Я спокойно пойду совершенно одна.
Постою у плетня, у ворот постою —
Только так незабытому дань отдают.

Где-то взвыла собака, боясь темноты,
И скулеж завела, будто бы из воды,
Из глубинной, стоячей воды ледяной
Она вышла и скачет по снегу домой.

Где-то звезды живут высоко-высоко.
В темноте их следы отыскать нелегко,
Потому что туман над деревней повис,
Как на тополе в мае развившийся лист.

Вьюга тополь качает — не нужно качать,
Еще долго ему и стоять, и молчать.
Тополь многое знает и может узнать.
Только я не хочу ни о чем вспоминать.

Постою и пойду совершенно одна
Мимо этого дома и мимо окна.

* * *

Вроде были друзья у меня,
Вроде были подруги хорошие,
Почему не идут, не звонят
И друзья — не друзья, а прохожие?

И за что меня бог наказал,
Наградил меня столькими бедами.
Я тебя провожу на вокзал,
Самый лучший мой друг, самый преданный.

Загудят, застучат поезда,
Под колесами ветер замечется.
И часы полетят в никуда,
В безвозвратные годы и месяцы.

Что же делать и как же нам быть,
Если так на земле получается:
Сильный сильного может любить,
Сильный с сильным всегда разлучается?

* * *

Тысячи струн
Дождь от туч протянул до земли,
Сели капли на них, воробьи
Точно так же садятся на прут.

Июльский дождь,
Ты не знаешь, как ждали тебя,
Горько думали — хлебу «труба»,
А теперь отдохнет наша рожь.

* * *

А за рекой темнеют дачи,
А над рекою облака.
И носит ветер лай собачий
От бугорка до бугорка.

Иду по берегу, ласкаю
Гукой зеленую траву.

На горизонте зелень тает
И переходит в синеву.

Растет у берега ракита,
Речную воду сторожит,
А над ракитой деловито
Летают легкие стрижи.

И сколько нор кругом, но в поле
Ты не заметишь грызуна.
Какая тишь — уж дождь бы, что ли,
Но как обманчива она.

И лабазник еще не скошен,
Не снят на дачах урожай.
И кто поверит, что заброшен,
Забыв, затерян этот край.

* * *

Ты напиши мне, как живешь,
Как тебе думается, дышится.
В мое окно стучится дождь,
И лес перед окном колышется.

Не нужно длинного письма,
Не нужно запятых и точек.
Я с некоторых пор сама
Отписывать люблю не очень.

Не нам судить, кто виноват
И кто был прав — всему есть сроки.
Скажи, ты рад или не рад,
Что разошлись у нас дороги?

Я поняла тебя, но все ж
Хочу знать письменно, не устно.
В мое окно стучится дождь,
И он виновен, что мне грустно.

* * *

Этот вечер последний у нас,
Ровно в полночь взлетят самолеты.
Время, кажется, в первый раз
Опоздало свести с нами счеты.
Этот вечер последний у нас.

Я не верю в приметы давно,
Пусть же будут в почете приметы,
Если в стопке осталось вино,
Если песни не все перепеты...
Я не верю в приметы давно.

И до полночи так далеко,
Веселись, наше дружное пече,
Нелегко, дорогой, нелегко
Радость праздновать в этот вечер.
И до полночи так далеко.

* * *

Они обсуждают, они говорят,
А мне — все мимо ушей.
В моих глазах фонари горят
Оставленных площадей.

И я проклиная тот день, тот миг,
Когда — не знаю, когда, —
Осенний ветер опоры настиг
И лопнули провода.

И ветер утих, и давно мы врозь.
Меж нами не годы — века.
Так почему же сердце зашлось,
Откуда такая тоска?

* * *

Где же слезы горечи,
Чтобы сразу тишь,
Словно с детской горочки
К бабушке бежишь?

Где же слезы горечи —
Два луча из глаз?
В той деревне горочки
Стаяли сейчас.

Я смотрела:
Летом,
В високосный зной,
Плакали рассветы
Светлою слезой.

Я смотрела: реки,
Они в дождь и гром
Утирали веки
Грозным платком.

— Ах, зачем березы,
Ах, зачем кусты
Копят в листьях слезы? —
Спрашиваешь ты.

Что тебе ответить?
Что тебе сказать?
Как из тонких веток
Дерево связать?

Брошу. Озадачу.
И уйду пряма.
Никогда не плачу.
Не схожу с ума.

* * *

Спит котенок у черного ящика,
Завернувшись в оранжевый мех.
А на ящике томик Гашека
Брат читает и стонет сквозь смех.

Во дворе раскудахталась курица,
Остальные сбегаются к ней.
Я в деревне, на тихой улице,
Проживу дома несколько дней.

Две соседки идут за оградой.
На корзинах порезка-трава.
Позови меня, мама, по ягоды
В те места, где рубили дрова.

Я забуду про кладку кирпичную,
Пусть гудят надо мной комары.
Я в ответ отсыревшею спичкою
Разожгу костерок из коры.

Будет пламя к валежнику ластиться
И лизать золотую росу.
Позови меня, мама, на Матицу.
Я давно не ходила в лесу.

* * *

Кругом такая тишина,
Что даже страшно, даже дико.
Она наполнила меня,
Как утопающего криком.

Смотрю, как, потеряв листву,
Березы снег гребут, не веря,

Но лишь теряют бересту,
Как птицы в перелете перья.

Иду в лесу, лыжню торю.
И мне нужна такая малость,
Чтобы обида и усталость
Развеялись по декабрю.

* * *

Сейчас весна, цветут сирени
И лес, как винный погребок.
А я шагаю по ступеням
Одной из тысячи дорог.

О, капли, капли дождевые,
Ловлю вас чистою рукой,
О, травы, травы полевые,
Я прикасаюсь к вам щекой.

И мне дышать, не надыхаться,
Смотреть и вновь не понимать,
Как это можно запереться,
Как можно взаперти писать.

* * *

Пахнет терпкой порезкою сено
Потому, что скосили в степи.
А порезка? Озерною пеной,
Припадала водицы испить.

Сушат жесткие волосы крыши,
Примостившись у стен на плечах,
Солнце ветра обрывки колышет,
Разместив на упругих лучах.

Дышит озеро вольным простором
Отошедших от берега льдин.
Берега неприступным забором
Опоясал ракиновый тын.

В огороде такое раздолье,
Хоть катись по грядам на боку.
Если мне благодать, так тем более —
Посидевшему в клетке телку.

Вот он прясло раздвинуть не может,
В жерди тычется головой.
А земля тоже пахнет? Тоже.
На сегодняшний день весной.

* * *

Я сейчас поняла, что была не права,
Только слов не воротить назад.
Наши злые слова, как сырые дрова,
Очень долго и дымно горят.

Если б смог ты помочь мне себя превозмочь,
Мой нелегкий характер и нрав.
Но обида моя прогнала тебя прочь.
И опять оказался ты прав.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Посредине деревни — озеро,
А по озеру тут и там
В огородах плетни приморозила
Вьюга-падера к берегам.

Как минуешь продрогшую мельницу,
То на правой руке, на краю,

Если встретишь амбар и поленницу,
Значит, встретил усадьбу мою.

Не прикрытый глухими ставнями,
Весь как есть, к соседу лицом,
Пятистенный, пропахший геранями,
Основался родительский дом.

Смотрит мама с надеждой доверчивой
Из окна на развилку дорог:
Уж не утром, так, может быть, вечером
Дочь приедет домой на денек.

Но бегут ребяташки колхозные,
Проезжают с зерном мужики...
Остаются в снегу под полозьями,
Как в конверте моем, две строки.

* * *

Навстречу летят километры,
Ромашка и белый ковыль.
Чубатыми гривами ветры
Взбивают под шинами пыль.

Испуганно машут крылами
И сходят с шоссе гусаки,
Придирчиво ценят глазами
Брезент в кузовах пастухи.

При встрече с друзьями водитель
С улыбкой фуражкой махнет:
«Пока, мол, ребята, не ждите,
Уборка, уборка идет».

Гудят на шоссе самосвалы.
Известно: в районе страда.
Теперь и минута, пожалуй,
Нужна, как в пустыне вода.

СЕНОКОС

Спеют копны у каждого колочка.
Надави — брызнет ягодный сок.
Сенокос хрустит хлебной корочкой,
Попивает холодный квасок.

По-хозяйски валок потрогаю,
Если высох, заворошу.
А потом постою немного я
И на солнышко погляжу.

Высоко оно? Высоко еще!
Летний день не усадишь в год.
Я поставлю такой зародище,
Что руками всплеснет народ.

Завершу его длинной вицею,
Чтобы ветер траву не раздул.
И под вечер усталой птицею,
Как в гнездо, на межу упаду.

Буду я родниковые росы
Из ромашковых блюдец пить.
И меня золотистые осы
Станут теплым медом кормить.

Сядут волки у кромки отавы,
Спросят ласково: «Чем помочь?»
Разве могут звери и травы
Разлюбить пастухову дочь?

* * *

У клена, как будто на простынях,
Лежат на мешках опростанных
Две деревенские женщины,
Пристально смотрят окрест.

Брови платками увенчаны,
В сетках покупки уверчены.
Лица просты и доверчивы.
Вроде из нашенских мест.

Сумки тугие, добротные
Вместо подушек подложены,
Банки на солнышке нежатся,
Подогревая бока.
Все у соседей расспрошено:
Много ли сена накошено,
Как там огурчики свежие,
Что — не поспели пока?

Медленно, тихо, уверенно
Люди в наш садик стекаются.
Медленен в каждом движении,
Крепкий, крестьянский народ.
Мало чему в шумном городе
Этот народ удивляется
И по привычке раймагами
Универмаги зовет.

Я не живу по пословице
В людях и на особице.
Рядом сажусь с вопросами,
В тихий, родной кружок.
Жадно ответы слушаю
Тети Наташи с Лушейю,
Гриб просоленный кушаю
С видом знающих толк.

Вот и подходит прощание,
Я говорю:

— До свидания

И выхожу из садика
В мир кирпича и стекла.

Только уже не раствором —
Руки мои пахнут бором,
Словно я в шумный город
Только что с поля пришла.

ЧИХНАРА

Как живется тебе, речка,
Голубая Чихнара,
У хорошего местечка,
У Федотова двора?

Через солнце небо сеет
Голубые искры в снег.
И у вас зима не греет,
Или греет,
Да не всех.

Я не знала бы Федота,
Да в начале октября
Задержала непогода
У Федотова двора.

На столе парили чашки,
Грузный чайник горлом пел.
Дед Федот в простой рубашке,
Как на празднике, сидел.

Скоро вытают пригорки,
Закручинятся снега,
Воды, вытолкнув распорки,
Закачают берега.

И тогда, струясь беспечно,
У Федотова двора
Повстречает меня речка,
Голубая Чихнара.

ЛЕС

Вхожу в этот мир шелестенья и свиста
И зелени, вставшей, как конь на дыбы,
Смотрю, как пушинка на ветке повисла,
Как травы собой прикрывают грибы.

Ватага щеглов на раките резвится,
И дятлы с деревьев сбивают труху.
И хочется мне в этот день заблудиться
Среди тех берез, что увязли во мху.

— Ну здравствуйте, что ли! Чего вы стоите?
Вы лучше садитесь, а я постою.
Нельзя вам садиться, тогда расскажите,
Как жизнь и что нового в вашем краю?

НОЧЬЮ

Небо, в задумчивых звездах небо.
Приближаясь к земле, плывет под тобой тишина.
Пахнет сеном и духом созревшего хлеба,
Шелестит по песку мокрой галькой тугая волна.

Прогорланила выпь, разногласное эхо,
Подхватив на лету, растрясло по окрестности крик.
Мудрый филин ответил простуженным смехом
И, умолкнув, прилег на ветвистый потник.

Пробежал ветерок, зароптали деревья,
К тонкой ветке листок прицепился, боится упасть.
Гасят окна огни, засыпает деревня,
Ночь, прокравшись, воюет с рассветом за власть.

* * *

Когда вскипит уха, и будет чай готов,
И вспыхнет свечка на столе походном,
И закружится стая мотыльков
Над свечкою пушистым хороводом,

Тогда придут башкиры, не спеша
Усядутся под липой вековой,
А мы к столу их станем приглашать,
А мы их станем угощать ухюю.

Они в горах живут давным-давно,
Они расскажут, что за тем обрывом
Есть озеро с форелью и оно
Огромно и бездонно и красиво.

Поведают о самом дорогом,
О том, что их особенно печалит
И объяснят, куда пойти пешком
Как лучше плыть, где выгодней причалить.

Потом, когда затихнет разговор,
Мы будем слушать, как плывет куда-то
По тихим склонам европейских гор
Приветливая песня азиата.

* * *

Что ты вьешься надо мной, седая птица?
Или, может быть, со мною что случится?
Что тоскуешь у забытого причала,
Или рыбы в нашей речке тебе мало?

Ах, не плачь ты, не кружись над речкой, чайка.
И печаль твоя, и боль твоя случайна.

Возвращаются по осени все птицы,
За тобою твоя стая возвратится.

Будет радость у тебя — со стаей вскоре
Ты забудешь нашу степь и нашу воду.
Поклонись же от меня, седая, морю,
Человеку поклонись и пароходу.

* * *

Стали темными ночи,
Стали долгими очень.
С каждым днем все короче,
Отчужденнее осень.

Нынче трудно быть первым,
Месяц выпал тяжелым.
Поле светится желтым,
Небо хмурится серым.

Но по воле упорных
И в труде терпеливых
Постепенно цвет черный
Побеждает на нивах.

* * *

Ты ко мне приедешь осенью,
После праздников, когда
У сосны, в холодном озере,
Остановится вода.

Поведу тебя разглядывать
Нашу местность у воды,
Посмотрю, как ты разгадывать
Станешь заячьи следы.

Как скрипит крутая лестница,
Как трещит некрепкий лед.
Кроме нас с тобой да месяца,
Кто услышит, кто поймет?

Только птица с тонким голосом,
Белокрылая зима,
Позовет тебя за поездом
И сведет меня с ума.

Мы простимся поздней осенью,
Постараюсь не забыть.
Буду каждый вечер к озеру
По твоей тропе ходить.

* * *

Как быстро нынче лето пролетело,
А я его, признаться, проглядела,
Не замечала ни берез, ни сосен.
И вот ко мне пожаловала осень.

Иду в леса, дышу туманным полем
И думаю, что нету лучшей доли,
Чем понимать траву и землю слушать
И радовать холодным ветром душу.

Деревья голы, и пригорки лысы,
И на траве не встрепенутся листья,
И только придорожная осока
Грустит о том, что выросла высокой.

Какой покой и тишина какая,
Не потревожит небо птичья стая.

И кажется опять все в жизни просто,
Как этот лист или как та береста.

И лишь печально зеленеет озимь.
И понимаешь, что уходит осень,
Прощается с землей и человеком
В последний полдень перед первым снегом.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Я тихая, мне мама говорит...	5
Работа	6
Разжимают одна по одной кулаки...	7
Мастер	8
Не думала сама я стать поэтом	8
Я много лет работаю на стройке	10
В октябре по ночам не тепло...	11
Жарко, а фуфайку сбрасывать нельзя...	13
Во дворце в белых туфельках-лодочках	13
Так не годится, сбрасывай-ка валенки	14
Мы лежим на асфальтовой кровле	15
Цехов замолкли перестуки...	15
Разговор с другом	17
Кочегар	18
Я строила панельные дома...	18
Змей бумажный выше, выше	19
Мимо этого дома и мимо окна	20
Вроде были друзья у меня...	20
Тысячи струн...	21
А за рекой темнеют дачи	21
Ты напиши мне, как живешь	22
Этот вечер последний у нас	23
Они обсуждают, они говорят...	23
Где же слезы горечи...	24
Спит котенок у черного ящика	25
Кругом такая тишина...	25

Сейчас весна, цветут сирени...	26
Пахнет терпкой порезкою сено...	26
Я сейчас поняла, что была не права...	27
Родительский дом	27
Навстречу летят километры...	28
Сенокос	29
У клена, как будто на простынях...	29
Чихнара	51
Лес	32
Ночью	32
Когда вскипит уха, и будет чай готов...	33
Что ты вьешься надо мной, седая птица?..	33
Стали темными ночи...	34
Ты ко мне приедешь осенью...	34
Как быстро нынче лето пролетело...	35

ЛЮБОВЬ ХАРИТОНОВНА
АНДРЕЕВА

ПОЛДЕНЬ

Редактор М. Л. Срубщик
Худож. редактор Н. А. Кудричев
Техн. редактор Л. М. Власова
Корректор А. И. Адрианова

Сдано в набор 14/1-1976 г.
Подписано к печати 16/III-1976 г. ФБ00541.
Формат бумаги 70×90/32—1,25 физ. п. л.,
1,46 усл. п. л., 1,52 уч.-изд. л.
Тираж 5000 экз.
Бумага № 1.
Южно-Уральское книжное издательство,
г. Челябинск, пл. Революции, 2.
Областная типография
Челяб. обл. управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Челябинск, ул. Творческая, 127.
Заказ № 678.
Цена 17 коп.

12 K.

